

В. Г. Белинский

Литературные мечтания

Виссарион Григорьевич Белинский

Литературные мечтания

"Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни, когда появлялся талант за талантом, поэма за поэмою, роман за романом, журнал за журналом, альманах за альманахом; то прекрасное время, когда мы так гордились настоящим, так лелеяли себя будущим, и, гордые нашею действительностию, а еще более сладостными надеждами, твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Вальтер Скоттов?.."

Содержание

#1	0005
Комментарии	0029

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Литературная хроника**

*Описывай, не мудрствуя лукаво.
Пушкин{1}*

Начиная четвертый год своего существования, «Московский наблюдатель» хочет, наконец, поправить перед публикою свою вину, истинную или мнимую, отвратить от себя ее упрек, заслуженный или незаслуженный. полная по возможности библиография отныне будет его постоянною статьею{2}. Не знаем, интересно ли будет публике – этому грозному властелину-невидимке, присутствие которого всякий видит во всем и везде, а никто не может указать, в чем и где оно именно, этому образу без лица, которому всякий, по своей воле и прихотям, дает и приписывает и волю и прихоти; не знаем, интересно ли будет публике, в каждой новой книжке журнала, находить себе новое доказательство, что для нее книг пишется много, а читать ей по-прежнему – нечего. Но... нам что до этого? «Публика этого хочет», – говорят нам – и мы хотим исполнить ее желание. Нам часто случалось еще слышать и читать, что публика требует от журнала не одной критики и библиографии, но и полемических браней и схваток; но мы никогда этому не верили, сколько по уважению к публике, которую мы всегда

отделяли от толпы, столько и потому, что мы никогда не любили рассчитывать своих успехов на счет своих убеждений, а низкую угодливость смешивать с добросовестным усердием{3}. Поэтому благомыслящие читатели попрежнему могут брать наш журнал в руки, не боясь замарать их... Обозревая область литературной деятельности, мы смело будем называть хорошее Хорошим, а дурное дурным, с удовольствием останавливаясь на первом и стараясь проходить красноречивым молчанием второе, особенно если оно принадлежит к тем мимолетным и призрачным явлениям, которые не производят никакого влияния и не оставляют по себе никаких следов. Равным образом мы попрежнему предоставляем другим отыскивать промахи и ошибки своих собратьев по журнальному ремеслу и попрежнему не отказываемся от благородного спора, чуждого личности и желания мелкого торжества. Сделать замечание или даже и возражение на мысль, которая нам кажется ложною, и подлавливать, как добычу для дневного пропитания, чужие обмолвки или промахи — две вещи, совершенно различные.

Мы должны бы начать наше обозрение с литературных явлений настоящего года; но, на первый раз, мы позволим себе небольшое уклонение от предположенного плана в пользу нескольких более или менее примечательных произведений прошлого года, о которых нам приятно поговорить. Начинаем с «Современника»: не говоря о том, что это периодическое издание более похоже на альманах в четырех частях, нежели на журнал, – оно влечет к себе наше внимание предметом, близким к русскому сердцу: мы разумеем стихотворные произведения и отрывки Пушкина, напечатанные в «Современнике» после смерти их великого творца. Предмет, отрадный и грустный в то же время! С одной стороны – мысль, что эти посмертные произведения свидетельствуют о новом, просветленном периоде художественной деятельности великого поэта России, об эпохе высшего и мужественнейшего развития его гениального дарования; а с другой стороны – мысль о том жалком воззрении, с каким смотрело на этот предмет детское прекраснодушие, которое, выглядывая из узкого окошечка своей огра-

ниченной субъективности, мерит действительность своим фальшивым аршином и, осудивши поэта на жизнь под соломенной кровлею, на берегу светлого ручейка, не хочет признавать его поэтом на всяком другом месте: какое противоречие, и сколько отрадного и горького в этом противоречии!..

Мнимый период падения таланта Пушкина начался для близорукого прекраснодушия с того времени, как он начал писать свои сказки. В самом деле, эти сказки были неудачными опытами подделаться под русскую народность; но, несмотря на то, и в них был виден Пушкин, а в «Сказке о рыбаке и рыбке» он даже возвысился до совершенной объективности и сумел взглянуть на народную фантазию орлиным взором Гёте. Но если бы эти сказки и все были дурны, одной «Элегии»[1], напечатанной в «Б. для Ч». за 1834 год{4}, достаточно было, чтобы показать, как смешны и жалки были беспокойства добрых людей о падении поэта; но... да и кто не был, в свою очередь, *добрым человеком?*..{5} Стихотворения, явившиеся в «Современнике» за 1836 год, не были оценены по достоинству: на них ле-

жала тень мнимого падения. Так, например, сцены из комедии «Скупой рыцарь» едва были замечены, а между тем, если правда, что, как говорят, это оригинальное произведение Пушкина, они принадлежат к лучшим его созданиям. А его «Капитанская дочка»? О, таких повестей еще никто не писал у нас, и только один Гоголь умеет писать повести, еще более действительные, более конкретные, более творческие – похвала, выше которой у нас нет похвал!

Первое, что с особенною, раздирающею душу грустию поражает читателя, в V томе прошлогоднего «Современника», это письмо В. А. Жуковского к отцу поэта о смерти сына... О, какую сладкою грустию трогают душу эти подробности о последней мучительной борьбе с жизнью, о последней, торжественной битве с несчастьем души глубокой и мощной, эти подробности, переданные со всею отчетливостию, какую только могло внушить удивление к высокому зрелищу кончины великого и близкого к сердцу человека, удивление, которого не побеждает в благодатной душе и самая тяжкая скорбь!.. А это трогательное уча-

стие в судьбе великого поэта, которым отозвалась на его несчастье русская душа, в лице всех сословий народа, от вельможи до нищего!.. А это умиляющее и возвышающее душу внимание монарха к умирающему страдальцу, это отеческое внимание, которым венценосный отец народа поспешил усладить последние минуты своего поэта и пролить в его болеющую душу отрадный елей благодарности, мира и спокойствия о судьбе осиротелых любимцев его сердца!.. О, кто после этого дерзнет осуждать неисповедимые пути провидения!.. Кто дерзнет отрицать, что жизнь человеческая не есть высокая драма, во всех ее многообразных проявлениях, и что самое страдание и бедствие не есть в ней благо!..

Вот перечень посмертных сочинений Пушкина, помещенных в четырех томах «Современника»: три поэмы – «Медный всадник», «Русалка» и «Галуб», из которых только первая вполне окончена; две пьесы прозой и стихами вместе – «Сцены из рыцарских времен» и «Египетские ночи»; два прозаических отрывка: «Арап Петра Великого» и «Летопись села Горохина»; потом примечательная крити-

ческая статья: «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»; кроме того, несколько мелких стихотворений, частью не законченных, и отдельных мыслей и замечаний.

Мы не будем критически рассматривать этих произведений, потому что если уж говорить о них, то надо все говорить, для чего мы не имеем ни времени, ни места. Мы скажем или, лучше, повторим о них уже сказанное нами – что, по их количеству и величине, они составят собою целый том, а этот том будет представителем совершенно нового периода высшей, просветленной художнической деятельности Пушкина. По этому самому они не для всех доступны, и в этом самом и заключается причина поспешного приговора толпы о падении поэта, В самом деле, чтобы постигнуть всю глубину этих гениальных картин, разгадать вполне их таинственный смысл и войти во всю полноту и светозарность их могучей жизни, должно пройти чрез мучительный опыт *внутренней* жизни и выйти из борьбы прекраснодушия в гармонию просветленного и примиренного с действительност-

ню духа, Повторяем: примирение путем объективного созерцания жизни – вот характер этих последних произведений Пушкина{6}. Не почитаем за нужное прибавлять, что *народность*, в высшем значении этого слова, как выражение *субстанции* народа, а не тривиальной *простонародности*, составляет также характер этих последних звуков этого замогильного голоса: Пушкин всегда был самобытен, всегда был русским поэтом, даже и тогда, когда находился под чуждым влиянием.

Формы его произведений все так же художественны, но это уже не тот бойкий стих, который, как рассыпавшийся луч солнца, сверкал и играл по жизни: нет, последние стихи Пушкина – это волны бытия, проходящие перед упоенным взором зрителя в спокойном величии. Если вы не читали «Медного всадника», то, чтобы заставить вас прочесть его, просим вас, взглянуть в неисчерпаемую глубину сокровенной красоты его, хоть вот в этом отрывке:

*. Боже, боже! там —
Увы, близехонько к волнам,*

Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там они,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка рока над землей?
И он как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода – и больше ничего!
И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине.
Над возмущенною Невою
Сидит с простертою рукою
Гигант на бронзовом коне.

А этот хор русалок —

Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем;
Нас греет луна.
Любо нам порой ночью
Дно речное покидать,
Любо вольной головою
Высь речную разрезать,
Подавать друг дружке голос,

*Воздух звонкий раздражать,
И зеленый влажный волос
В нем сушить и отряхать.*

Не правда ли, что этот дивный хор – совершенно новое явление все той же неистощимой жизни, совершенно новый аккорд все той же неисчерпаемой любви?.. Но мы еще передернем декорацию жизни и покажем ее новые стороны: вот рыцарская баллада —

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.*

*Он имел одно виденье,
Непостижное уму;
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.*

*С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел;
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.*

*Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки*

Ни пред кем не подымал.

*Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А.М.Д. своею кровию
Начертал он на щите.*

*И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,*

*Lumen coeli, sancta Rosa![2] —
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром, его угроза
Поражала мусульман.*

*Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.*

С такую глубокостию, с такую верностию и в такой небольшой пьеске схватить одну из главнейших сторон средних веков, этого религиозного периода человечества, когда и слава, и мужество, и любовь, и все, все было религиною!.. Кто мог это сделать? – Пушкин!

Читали ли вы его «Галуба»? Вот отец, чеченец, хоронит своего могучего сына, удалого наездника, опору своей старости; кладет с ним в гроб все его оружие,

*Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать.*

Схоронивши одного сына, Галуб встречает другого: его привел к нему старец, воспитывавший его. Но Галуб вскоре недоволен своим другим сыном. Однажды узнает он, что сын его встретил в своих разъездах армянина и не привел его на аркане с добычею. В другой раз узнает он, что сын его встретил бежавшего раба и оставил его невредимым.

*«Нет, мыслит он, не заменит
Он никогда другога брата:
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают злата;
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды;
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на
звезды,*

*А не в набеггах отбивать
Коней с нагайками быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагрузать».*

В третий раз Галуб узнаёт, что Тазит встретил убийцу своего брата.

Отец.

*Убийцу сына моего?
Тазит! где голова его?
Дай нагляжусь!*

Сын.

*Убийца был
Один, изранен, безоружен...*

Отец.

*Ты долга крови не забыл...
Врага ты навзничь опрокинул...
Не правда ли, ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул?
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем?..
Где ж голова? подай... нет сил...*

Отец проклял своего сына и прогнал его от себя.

В черкесском селе праздник; молодежь забавляется воинскими потехами; жены и девы поют.

*Но между девами, одна
Молчит, уныла и бледна...*

*..
В толпе стоят четою странной,
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он – сын изгнанный,
Она – любовница его..
О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах,
Он пил огонь отравы сладкой,
В ее смятеньи, в речи краткой,
В ее потупленных очах.
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,
С подружкой резвой говоря,
И вдруг садилась и бледнела,
И отвечая не глядела,
И разгоралась как заря, —
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованный кувшин
Волною звонкой наполняла...*

«Египетские ночи» принадлежат также к самым дивным произведениям Пушкина, и в лице его Чарского догадливые читатели найдут для себя много данных для разгадки поэта...

Все мелкие стихотворения отличаются тем же общим чувством просветления, примиренного с самим собою духа, вышедшего с честью из опасной борьбы. И кто бы усомнился в этом, прочтя эту трогательную исповедь души, страждущей и блаженной в своем страдании —

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные великого поста;
Всех чаще мне она приходит на*

уста
И падшего свежит неведомою си-
лой:
Владыко дней моих! дух праздно-
сти унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе мо-
ей;
Но дай мне зреть мои, о боже,
прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет
осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Но особенного внимания заслуживает стихотворение «Герой», напечатанное в «Теле-
скопе» 1831 года и написанное в ту годину
тяжкого испытания для России, когда свиреп-
ствовала в ней холера и когда наш царь, не
дожидаясь от медиков решения вопроса о за-
разительности этого морового поветрия, при-
ехал ободрить унылую Москву, древнюю и
верную столицу своих отцов... Это стихотво-
рение, кроме своего высокого поэтического
достоинства, драгоценно еще и как доказа-
тельство благородных, истинно русских чув-

ствований Пушкина, и только по смерти его стало известно, что оно принадлежит ему...

«Арап Петра Великого» есть отрывок из предполагавшегося Пушкиным романа, и, как отрывок, он уже не новость, потому что был давно напечатан в каком-то альманахе, а в «Современнике» он помещен в большем виде, почему и составляет собою новость^{7}. Как жаль, что Пушкин не кончил этого романа! Какая простота и вместе глубокость, какая кисть, какие краски! Да, если бы Пушкин кончил этот роман, то русская литература могла бы поздравить себя с истинно художественным романом; «Летопись села Горохина», в своем роде, чудо совершенства, и если бы в нашей литературе не было повестей Гоголя, то мы ничего лучшего не знали бы.

Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» чрезвычайно интересна: она знакомит нас с Пушкиным не столько как с критиком, сколько как с человеком, у которого был верный взгляд на искусство вследствие его верного и бесконечного эстетического чувства. В этой статье метко и резко показывает он отсутствие именно

этого чувства у господ французов и, в доказательство, представляет факты, как безбожно терзали бедного Мильтона корифеи французской литературы – дикий г. Гюго в своей «чудовищной и нелепой» драме «Кромвель» и чопорный аббатик XIX века, граф Де Виньи, в своем «облизанном» романе «Saint Mars». Едко смеется Пушкин над последним, когда тот заставлял бедного Мильтона читать отрывки из поэмы на вечере у Марии де Лорм.

Хорошо (говорит Пушкин); да как же французы, не зная английского языка, поймут мильтоновы стихи? Очень просто: места, которые он будет читать, переведены на французский язык, переписаны на особых листочках, и списки розданы гостям. Милтон будет декламировать, а гости следовать за ним. Да зачем же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Милтон великий декламатор или звуки английского языка чрезвычайно любопытны? а какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей; ему надобно, чтоб Милтон читал в парижском обществе свой «Потерянный рай» и

чтоб французские умник» над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта.

Мильтон, несмотря на то, что назначенные места для чтения переведены и что он должен читать их по порядку, ищет в памяти своей то, что, по его мнению, более произведет действия на слушателей, не заботясь о том, поймут ли его, или нет. Но посредством какого-то чуда (не-изъясненного г-м де Виньи) все его понимают. Де Барро находит его приторным; Скюдери – скучным и холодным; Мария де Лорм очень тронута описанием Адама в первобытном его состоянии; Мольер, Корнель и Декарт осыпают его комплиментами и пр. и пр.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя, как заезжий фигляр, и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя их в потолок. Разговоры его с Де Ту, с Корнелем и Декартом не были бы пошлым и изысканным пустословием; а в обществе играл бы он роль,

ему приличную, скромную – роль благородного, хорошо воспитанного молодого человека.

После удивительных вымыслов Виктора Гюго и графа де Виньи хотите ли видеть картину, просто набросанную другим живописцем? Прочтите в «Вудстоке» встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля.

Французский романист, конечно, не довольствовался бы таким незначущим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из «Потерянного рая»; Кромвель бы это подметил, разобрал бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом, вралем и пр., и из того бы вышел эффект, о котором бедный Вальтер Скотт и не подумал!

Жалеем, что место не позволяет нам более делать выписок из этой превосходной статьи. Но не можем удержаться, чтобы не выписать следующего места из «анекдотов и замечаний»:

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосложные характеры. У Мольера скупой скуп – и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочитя за женою своего благодетеля, лицемеря: принимает имение под хранение, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер, потому что его гласные действия противоречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Повторяем: во всем этом виден не критик, опирающийся в своих суждениях на извест-

ные начала, но гениальный человек, которому его верное и глубокое чувство или, лучше сказать, богатая субстанция открывает истину везде, на что он ни взглянет. А как поэт, Пушкин принадлежит, без всякого сомнения, к мировым, хотя и не первостепенным, гениям. Да и много ли этих первостепенных гениев искусства? — Омир (мифическое имя), Шекспир, Гёте, Бетховен, и не знаем, право, кто в живописи. И несмотря на то, читая, а особенно слушая суждения многих о Пушкине, как о человеке и как о поэте, невольно вспоминаешь его же стихи, которыми оканчивается его превосходное стихотворение «Полководец» —

*О, люди! жалкий род, достойный
слез и смеха!*

*Жрецы минутного, поклонники
успеха!*

*Как часто мимо вас проходит че-
ловек,*

*Над кем ругается слепой и буй-
ный век,*

*Но чей высокий лик в грядущем
поколеньи*

Поэта приведет в восторг и уми-

ленье!

Из не пушкинских стихотворений очень мало хороших в «Современнике»: из оригинальных заслуживает особенное внимание «Цветок» Жуковского. После этого благоухающего ароматом поэзии «Цветка» нельзя не заметить стихотворения Ф. Н. Глинки «Ангел». Из переводных стихотворных пьес замечательны – «Орган» из Гердера А. П. Глинки, и мы пользуемся здесь случаем повторить из «Современника» приятное известие, что переводчица Шиллеровой «Песни о колоколе» готовится к изданию 19 легенд Гердера. Переводы г. Губера из «Фауста» также примечательны; г. Губер печатает вполне переведенного им «Фауста».

Из прозаических не пушкинских статей особенно замечательна – «Солдатский портрет» Грицьки Основьяненка, прекрасно переведенный с малороссийского г. Луганским. Так-то лучше: а то мы, москаля, немного горды, а еще более того ленивы, чтобы принуждать себя к пониманию красот малороссийского наречия, если дело идет не о народной поэзии{8}. Ведь Гоголь умеет же рисовать нам

малороссиян русским языком? Уверяем почтенного Грицьку Основьяненка, что если бы он написал свои прекрасные повести по-русски, то, несмотря на мудреную для выговора фамилию своего автора, они доставили бы ему гораздо большую известность, нежели какою он пользуется на Руси, пиша по-малоросийски. Кроме «Солдатского портрета», мы прочли с удовольствием «Сильфиду» кн. Одоевского; «Петербургские записки» неизвестного{9}, шутку, в которой мило и игриво высказано много правды на счет обеих наших столиц; и, наконец, «Письма совоспитанниц», сочинение дамы.

Комментарии

Большая часть рецензий Белинского этого периода помещена в отделе «Литературная хроника». В отличие от библиографического отдела «Молвы» «Хроника» строится как целостный обзор наиболее примечательных литературных явлений; и «не столько новое, сколько примечательное, в каком бы то ни было значении, составляет постоянный и главный предмет библиографического отделения «Наблюдателя» (1836, ч. XVI, кн. II, стр. 599).

Белинский отмечает здесь заслуги Н. Полевого, дает первую и чрезвычайно высокую оценку стихов и прозы еще мало известного Лермонтова, наделенного «высоким поэтическим дарованием». С особенным вниманием следит он в этом отделе за появлением каждой новой строки Пушкина. Белинский отрекается от своей прежней недооценки Пушкина и ставит его в ряд величайших мировых гениев (см. также письмо к Н. Станкевичу от 19 апреля 1839 года). Предпосылки этой переоценки – в новом понимании действительно-

сти и новом отношении к ней.

Разумеется, Белинский ошибочно отождествлял свое примирение с «расейской действительностью» с пушкинским приятием мира, но вместе с тем Белинский теперь живее ощущает величие оптимистической поэзии Пушкина.

Новому отношению к Пушкину способствовало и появление посмертных произведений Пушкина («Медный всадник», «История села Горюхина», «Каменный гость», некоторых стихотворений, например «Памятник» и др.), имеющих огромное значение для полной и более правильной оценки пушкинского творчества. Так возникла надобность в новом освещении и той части пушкинского наследия, которая была неизвестна ранее.

Белинский пишет, что посмертные произведения великого поэта России свидетельствуют о новом периоде его художественной деятельности и об эпохе высшего развития его гения. Сущность поэзии Пушкина он видит в сейчас в «примирении с действительностью путем объективного созерцания» жизни. Но само это созерцание не отгораживает-

ся от мрачных сторон действительности. Такие произведения, как «Летопись села Горюхина» (в первой публикации «Горохина»), свидетельствуют, по его мнению, что Пушкин шел по тому же пути, на который позже вступил Гоголь: «Летопись села Горюхина» в своем роде чудо совершенства, и если бы в нашей литературе не было повестей Гоголя, то мы ничего лучшего не знали бы». Таким образом, устанавливается Белинским творческая преемственность между двумя величайшими русскими писателями на почве реализма.

Сноски

1

Та самая, что приведена в первой статье этого
№ стр. 19.

[^^^]

2

Свет небес, святая роза! – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Примечания

1

Цитата из «Бориса Годунова».

[^^^]

2

В предыдущий период «Московский наблюдатель» под редакцией Андросова и Шевырева принципиально отказался от библиографии. Этот недостаток и хочет восполнить Белинский.

[^^^]

«Толпа» в понимании Белинского – синоним пошлого и ограниченного филистерства. Характерно, что и позже Белинский прибегал к этому понятию, использовал известные стихотворения Пушкина для обличения светских «глупцов», которые смотрят на поэзию, как «на искусство втискивать в размеренные строчки с рифмами разные нравоучительные мысли».

[^^^]

4

Элегия «Безумных лет угасшее веселье» (1830).

[^^^]

5

Синоним жалкого и пустого человека («добрый малый»).

[^^^]

6

Это прямо перекликается со статьей М. Бакунина, который писал, что Пушкин начал борьбу с действительностью, а кончил примирением, ибо «действительность всегда побеждает». «Все думали, что его поэтический гений угас, потух, а он совершил свое великое примирение с действительностью» («Московский наблюдатель», 1838, ч. XVI).

[^^^]

Пушкин начал «Арапа Петра Великого» летом 1827 года, четвертая глава была напечатана в альманахе «Северные цветы» (1829), отрывок из третьей главы появился в «Литературной газете» (1830). Все написанное Пушкиным (шесть глав и начало седьмой) опубликовано только в рецензируемом томе «Современника». Отрывки вошли, кроме того, в «Повести, изданные Александром Пушкиным» (СПб, 1834).

[^^^]

8

Позднее, в связи с тем, что ряд украинских поэтов, и в том числе Шевченко, в силу определенных личных связей, печатались в журнале «Маяк», с которым Белинский вел непримиримую борьбу, мы встретим у Белинского ряд отрицательных отзывов об украинской литературе.

[^^^]

9

«Петербургские записки 1836 г.» – Гоголя.

[^^^]

[^^^]